
Глава 16. Сахарные личи

— Вдовствующая императрица прислала человека — передали, что она желает навестить вас, но евнух Су пресёк эти попытки. Должно быть, его невозмутимый вид охладил её пыл, и она не стала настаивать. Теперь она и супруга Цзин лишь проводят дни в молитвах и чтении сутр. Что же до дворца... один из стражей западных ворот, вернувшись домой, якобы спяну свалился в реку и утонул.

Се И полулежал на тахте. Глаза его всё ещё скрывала плотная повязка. Он выглядел бледным и изнурённым, однако Фан Цзысин не смел расслабляться ни на миг. Командир стражи стоял навытяжку, безукоризненно и чётко докладывая о результатах двухдневного расследования.

— А что Фань Муцунь? — негромко спросил Се И.

— Проверили, — отозвался Цзысин. — Семейство Фань сейчас ведёт себя тише воды, ниже травы. Все праздники провели за закрытыми дверями. Сам Фань Муцунь утверждает, что соблюдает траур и не выходит из дома, посвящая время книгам. Следов переписки с дворцом пока не обнаружено.

Се И лишь тонко усмехнулся:

— Если я умру, кого Вдовствующая императрица возведёт на престол, чтобы максимально быстро удержать власть в руках?

Фан Цзысин благоразумно промолчал.

— Я подрезал ей крылья, разогнал её приспешников, — продолжил Се И. — Клан Фань не оставил своих воровских помыслов, но чтобы убедить сановников, им нужен взрослый принц. И желательно — с репутацией добродетельного мужа.

Цзысин замер, не поднимая глаз. Се И вдруг сменил тему:

— Не знаешь, Су Хуай уже забрал картину?

— Получив ваше указание, евнух Су немедленно отправился в путь, — поспешно ответил Фан Цзысин, позволив себе слабую улыбку. — Вы же знаете его хватку, Девятый господин. Всё будет исполнено в лучшем виде.

— Се Фэй, — холодно произнёс Се И. — Вот кто их избранник.

Цзысин вздрогнул от неожиданности:

— Но... сегодня, когда Наследник Сюй отправился любоваться снегом, я послал своих людей присмотреть за ним в резиденции князя Шунь. Насколько мне доложили, молодой князь Се Фэй по-прежнему поглощён лишь стихами да живописью...

— В том-то и суть — он должен казаться непричастным, — отрезал Се И. — Только так можно взойти на престол с чистыми руками и «ясным ликом». Сановники не потерпят нового возвышения клана родственников по женской линии, а Вдовствующей императрице нужна лишь месть. Но князь Шунь в стороне не останется. Копай под него. И присмотришься к господам из кабинета министров. Уверен, среди них найдутся те, кто уже готов поддакнуть. Скорее всего, это Ли Мэйя. Следи за каждым, кто переступает порог его дома.

Фан Цзысин опустил ресницы, скрывая напряжение:

— Слушаюсь.

Се И коротко, зло рассмеялся:

— Знаешь, поначалу мне казалось, что в моей жизни не так уж много смысла. Но стоит представить, как расстроится Вдовствующая императрица, увидев меня живым... И мне сразу становится очень, очень весело.

Видя, что государь на самом деле разгневан до предела, Цзысин попытался его успокоить:

— Девятый господин, не извольте гневаться. Это вредно для ран.

Едва он договорил, снаружи раздался звонкий голос Люшуня:

— Приветствую молодого князя! Разве вы не были на пиру? Как же вышло, что вы вернулись так поздно?

Фан Цзысин тут же умолк.

— Пир давно закончился, — послышался весёлый голос Сюй Чуня. — Я заезжал в резиденцию повидаться со старшими, бабушка задержала меня, расспрашивала обо всём... В общем, поужинал дома и сразу сюда. Девятый братец уже поел? Доктор говорил, ему нужно больше бульонов. Я сегодня велел прислать несколько каменных окуней, чтобы Шестая нянюшка сварила суп. Удалось брату отведать его?

— Как раз из тех рыб, что вы прислали! — негромко рассмеялся Люшунь. — Девятый господин выпил целую чашу, а остальное пожаловал нам. По вашей милости и мы полакомились. Суп

вышел знатный — много перца, рыба нежная, сочная. Выпьешь — и по всему телу тепло разливается.

В комнату вошёл Уфу, сопровождая Сюй Чуня:

— Проходите, молодой князь. Наш господин как раз собирался принять лекарство и почивать. Вы очень вовремя.

— Лекарство? — переспросил Сюй Чунь. — Я слышал, в его состав входит медвежья желчь. Вещь для глаз полезная, но до того горькая, что в рот не возьмёшь. Я как раз прихватил из дома сахарные личи — пускай Девятый братец заедает, чтобы горечь перебить.

Он взглянул на Се И. Тот всё так же полулежал, лицо его не выражало ничего, но поза была расслабленной. Сюй Чунь внимательно всмотрелся в его губы — кажется, они уже не были такими мертвенно-бледными.

Стоявший сбоку Фан Цзысин негромко поздоровался:

— Наследник Сюй.

При свете ламп он заметил, что уголки глаз юноши покраснели, а движения стали мягкими и тягучими, как у человека, которого ещё не отпустил хмель.

— Вижу, вино ещё бродит в вашей крови? — усмехнулся Цзысин. — Должно быть, приём удался на славу?

Это было не просто любопытство — зная, что император не видит гостя, Цзысин пытался подать знак: осторожнее, парень, ты подшофе, не ляпни чего лишнего.

Но Сюй Чунь уже пристроился на край постели. Дождавшись, пока Уфу поднесёт чашу с лекарством, он извлёк из широкого рукава стеклянный флакон, вытянул пробку и, подцепив серебряной шпажкой из вазы с фруктами одну полупрозрачную, сверкающую в свете ламп ягоду, поднёс её к самым губам Се И.

— Сначала личи, потом лекарство, а после — ещё одну. И никакой горечи не почувствуете.

К губам Се И прикоснулась мягкая, сладкая и ароматная мякоть. Он послушно раскрыл рот и съел ягоду. Вкус оказался удивительно нежным. Приняв чашу, он одним махом осушил её, и Сюй Чунь тут же отправил ему в рот вторую порцию сладости.

— Это личи, очищенные и проваренные в густом сахаре, — довольно защебетал юноша. — Я велел добавить туда немного розового варенья. Душисто, правда?

— Как прошёл пир? — спросил Се И. — Заставляли ли тебя писать стихи?

— И не думали! — отозвался Сюй Чунь. — Вы были правы: молодой князь Се Фэй — истинный ценитель живописи, так что стихов не слагали, только обсуждали картины. Те краски, что я принёс, пришлось как нельзя кстати. А в остальном — ничего особенного. Поели, попили и разошлись.

Се И уже знал из доклада Цзысина, что Сюй Чунь рисовал прямо на приёме и заслужил похвалу Се Фэя. То, что юноша об этом умолчал, почему-то задело его.

— И что ты думаешь о Се Фэе? — спросил он, сдерживая сухость в голосе.

— Ну, принц крови, потомок драконов... — пожал плечами Сюй Чунь. — Облик его, разумеется, величественен и благороден.

Се И замолчал. У Фан Цзысина сердце готово было выпрыгнуть из груди. Он не знал, как подсказать Сюй Чуню, что государь недоволен, поэтому просто решил откланяться:

— Девятый господин, я, пожалуй, пойду.

Он выразительно взглянул на юношу, приглашая его уйти вместе, но Сюй Чунь, разомлевший от вина и тепла, даже не шелохнулся.

— Иди, — бросил Се И.

Когда Цзысин вышел, обливаясь холодным потом за судьбу молодого князя, Се И продолжал лежать неподвижно, не проронив ни слова. Сюй Чунь заботливо поправил его одеяло. Не дождавшись ответа, он вкрадчиво прошептал:

— Завтра снова рыбный суп? Или, может, раздобыть для вас нежной говядины?

— Поступайте, как вам будет угодно, молодой князь, — ровным, ледяным тоном отозвался Се И. — Я лишь гость, волею случая задержавшийся в вашем доме. Не стоит обременять себя пустой вежливостью.

Сюй Чунь опешил. До него наконец дошло: Девятый братец злится.

— Что случилось? — поспешно спросил он. — Если я в чём-то провинился, так и скажите. Вы же больны, нельзя копить гнев в сердце, раны будут дольше заживать.

— Ты отделываешься от меня общими фразами о «потомках драконов» и «благородном

облике». Разве это не пустая вежливость?

Сюй Чунь понял свою ошибку и горячо заговорил:

— Девятый братец, вы меня превратно поняли! Просто... у меня есть кое-какие мысли, но кто я такой? Пылинка на обочине. Между нами и императорской семьёй — пропасть. Разве подобает мне за глаза судить о вельможах? Я побоялся, что мои речи покажутся вам дерзостью или пустой болтовнёй мальчишки.

— Мы просто беседуем, — смягчился Се И. — Почему это должно быть дерзостью?

Он поймал себя на мысли, что и впрямь слишком часто наставляет Сюй Чуня с высоты своего положения. Неудивительно, что тот робеет. Се И на миг задумался — не стоит ли изменить тон? Но тут же одёрнул себя: нет, этого сорванца нужно держать в узде, иначе совсем от рук обобьётся.

Сюй Чунь понизил голос почти до шепота:

— Только вам и скажу. Мне кажется, этот молодой князь Се Фэй на самом деле не так уж и помешан на живописи. Нет, он любит её, бесспорно, всё же он человек тонкий... Но, скорее всего, принцу приходится держаться подальше от государственных дел, вот он и выстроил себе этот кокон из свитков и кистей, демонстрируя всем отсутствие амбиций.

— Вот как? — Се И заинтересованно качнул головой. — С чего ты взял, что его страсть — притворство?

— Видите ли... — замялся Сюй Чунь. — Если бы человек искренне, до глубины души любил искусство, то, увидев мой набор западных красок, он бы не удержался — начал бы пробовать цвета, расспрашивать о свойствах. Да, он мастер, он талантлив, но...

Се Фэй, увидев те краски и картину с бабочками, не выглядел по-настоящему поражённым. Для него это была лишь «любопытная заморская вещица». А его просьба к Сюй Чуню что-нибудь нарисовать больше походила на желание дать гостю шанс отличиться, потешить его самолюбие. И лишь когда Сюй Чунь закончил работу, в улыбке Се Фэя промелькнуло нечто живое — удивление, смешанное с новым интересом. Должно быть, он понял, что перед ним не просто богатый бездельник, а кто-то поинтереснее.

Но рассказывать всё это Девятому братцу Сюй Чунь не решился — это выглядело бы как бахвальство. Тем более что нарисовал он сегодня... самого Девятого братца, повинуюсь внезапному порыву сердца.

— В общем, у меня нет веских доказательств, — сбивчиво продолжил он. — Но вы же знаете, моя родня по матери — купцы до мозга костей. Я с пелёнок учился распознавать людей по

лицам и интонациям. Это чувство... сложно объяснить словами. Мне показалось, что мои краски ему не так уж и нужны. Однако ради них он, попирая этикет, долго со мной беседовал. Мне сдаётся, что с самого момента отправки приглашения он искал любой повод, чтобы завязать со мной разговор.

Сюй Чунь помолчал и с грустным вздохом добавил:

— Должно быть, слух о том, как я выложил сто тысяч серебром за титул для матери, разлетелся по всей столице. Теперь все ищут моего общества лишь потому, что за мной закрепилась слава знатного простака.

Он не догадывался, что человеком, пустившим этот слух, был как раз его «Девятый братец». Но поскольку Сюй Чунь действительно получил выгоду от этой ситуации, он не смел выказывать недовольство. Он просто честно выложил свои подозрения, боясь, что Се И сочтёт его лжецом.

На губах Се И промелькнула едва заметная улыбка.

— То, что ты это заметил, говорит о твоей проницательности. Се Фэй всегда славился своей гордыней и отстранённостью. Весь этот спектакль затеян ради семьи Шэн, что стоит за твоей спиной.

Отец Сюй Чуня, князь Цзин, слыл в столице никчёмным повесой. Его женитьба на дочери купца была лишь поводом для насмешек. Но сын князя, швыряющий баснословные суммы ради сыновнего долга — это совсем другой коленкор. Значит, у этого восемнадцатилетнего юноши есть доступ как минимум к сотне тысяч лан серебра здесь и сейчас. Когда такая новость доходит до сильных мира сего, кто останется равнодушным? Даже сам Се И в своё время был поражён. А если бы узнали, что Сюй Чунь готов потратить такие деньги всего лишь на выкуп какого-то Хэлань Цзинцзяна... Это всё равно что ребёнок, идущий по рынку с мешком золота. Каждый захочет запустить туда руку.

— Я понимаю, — кивнул Сюй Чунь. — Наш император ещё не назначил наследника, да ещё, говорят, императрицу сместил... В такие времена неопределённости лучше держаться в тени. Обычно мы избегаем тесных связей с императорской роднёй. В этот раз приглашение было слишком официальным, пришлось идти, к тому же бабушка велела взять с собой старшего брата. Но в следующий раз я лучше прикинусь больным.

Се И едва заметно кивнул.

Сюй Чунь ещё раз поправил ему одеяло:

— Спите, Девятый братец. Завтра снимут повязку, и вы, даст бог, всё увидите.

Он склонился пониже. Глаза Се И были скрыты, но чёткий разлёт его бровей, уходящих к самым вискам, был так изящен, что юноша не удержался и кончиками пальцев мимолётно коснулся их. Тут же, словно испугавшись, он сделал вид, что поправляет прядь волос на подушке, и, довольный, тихо выскользнул из комнаты.

Се И, чьи чувства были обострены до предела, конечно же, ощутил это касание — легкое, как взмах крыла бабочки. Но он не почувствовал ни гнева, ни оскорбления. Помыслы этого юноши были прозрачны и бесхитростны.

И всё же в глубине души императора шевельнулось странное чувство. Сюй Чунь был прав — Се Фэй приблизил его не просто так. Но знал ли Се Фэй о планах своего отца, князя Шуня, или просто «плыл по течению», готовясь стать безупречным и святым государем на обломках чужого правления?

Обычно Се И был подозрителен и суров в оценках. О Се Фэе он до этого момента был неплохого мнения. Хотя князь Шунь и казался недалёким, он годами жил в своих владениях, не впутываясь в интриги Вдовствующей императрицы или Князя-регента. Когда Се И усмирил окраины и отозвал всех князей в столицу, Шунь вернулся вместе со всеми.

Се Фэй тогда был ещё подростком. Красивый, способный, он прилежно учился в Тайсюэ, а позже занял необременительную должность в академии Хунвэнь, увлекаясь живописью. Он казался человеком без больших амбиций, но талантливым — истинный «журавль среди стада кур».

Се И даже подумывал дать ему какое-нибудь серьёзное поручение, испытать в деле. Но теперь, зная, что Се Фэй с каким-то тайным умыслом ищет близости с Сюй Чунем, он ощутил беспричинное, острое раздражение. И это чувство ему совсем не понравилось.

<http://bllate.org/book/16990/1584435>